

МИХАИЛ ЭРДЕНКО: КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ

Ларчиков В.В.¹, Веселина О.Ю.¹

¹ ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры», Белгород, e-mail: kssi@bgiik.ru

В статье анализируется процесс кристаллизации исполнительских и педагогических принципов и взглядов, в контексте биографических фактов и особенностей становления творческой индивидуальности, Михаила Гавриловича Эрденко (1885-1940) - выдающегося представителя русской педагогической и исполнительской скрипичной школы, прошедшего путь от виртуоза-самоучки из глубинки Курской губернии до профессора Киевской и Московской консерваторий, заслуженного деятеля искусств РСФСР. Преподавательская деятельность Михаила Эрденко, выходца из бедной цыганской семьи, выпускника класса одного из основателей московской скрипичной школы, заслуженного профессора Ивана Гржимали, началась в Самаре сразу после окончания им Московской консерватории. Биография Эрденко включает годы преподавания в Киевской консерватории, в которой он стал первым профессором скрипичного класса, затем в Краснодаре, где он стоял у истоков Кубанской консерватории. В расцвете лет, после тысяч триумфальных сольных концертов по всему Советскому Союзу и десяткам зарубежных стран, М.Г. Эрденко возвратился в свою альма-матер в роли профессора скрипичного класса. Его исполнительские и педагогические принципы, с одной стороны, явились как продолжением и развитием традиций дореволюционной московской школы, так и отражением особых личных музыкально-эстетических взглядов артиста, сформировавшихся под влиянием идей Л.Н. Толстого. С другой стороны, в ряде ключевых положений эти принципы оказались выходящим за рамки общепринятых в то время подходов коллег Эрденко провидческим решением новых актуальных задач профессиональной музыкальной педагогики, утвердившимся в советской системе высшего образования лишь в последней трети XX века.

Ключевые слова: Михаил Эрденко, скрипка, Московская консерватория, московская скрипичная школа, история скрипичной педагогики.

MIKHAIL ERDENKO: CRISTALLIZATION OF ARTISTIC AND PEDAGOGICAL PRINCIPLES

Larchikov V.V.¹, Veselina O.Yu.¹

¹ GBOU VO "Belgorod State Institute for Arts and Culture", Belgorod, e-mail: kssi@bgiik.ru

The present study is devoted to analysis of the process of cristallization of artistic and pedagogical principles and views, in the context of biographical facts and creative individuality features formation, of Mikhail Gavrilovich Erdenko (1885-1940) – outstanding representative of Russian pedagogical and performing violin school, who passed the way from the self-taught virtuoso from hinterland of the Kursk province to professor of Kiev and Moscow conservatories, awarded the title Honored Artist of the RSFSR. The teaching activity of Mikhail, a native of a poor gypsy family, a graduate of the class of one of the Moscow violin school founders, Honored Professor Ivan Grzhimali, began in Samara immediately after he graduated from the Moscow Conservatory. Erdenko's biography includes years of teaching at the Kiev Conservatory, where he became the first professor of the violin class, then in Krasnodar, where he stood at the origins of the Kuban Conservatory. In his prime, after thousands of triumphant recitals throughout the Soviet Union and dozens of foreign countries, M.G. Erdenko returned to his alma mater as professor of the violin class. His artistic and pedagogical principles, on the one hand, were both a continuation and development of the traditions of the pre-revolutionary Moscow school, and a reflection of the artist's special personal musical and aesthetic views, formed under influence of the ideas of L.N. Tolstoy. On the other hand, in a number of key thesises, these principles turned out to go beyond the generally accepted approaches of Erdenko's colleagues, became the visionary solution of new actual problems of professional musical pedagogy, which was established in the Soviet system of higher education only in the last third of the 20th century.

Keywords: Mikhail Erdenko, violin, Moscow Conservatory, Moscow violin school, history of violin pegagogy.

Михаил Гаврилович Эрденко (1885-1940) - яркий и самобытный представитель московской скрипичной школы, чья педагогическая, исполнительская и музыкально-

просветительская деятельность продолжалась почти четыре десятилетия. Несмотря на высочайшую степень интенсивности этой деятельности, огромную прижизненную популярность Эрденко на необъятных просторах Советского Союза, особенно в предвоенные десятилетия, непререкаемый авторитет профессора у студентов Киевской и Московской консерваторий, где он преподавал, такие аспекты, как становление и особенности творческой индивидуальности М. Эрденко, процесс формирования и основные постулаты его педагогических принципов и т. д., до сих пор практически не введены в научный обиход, не становились объектом научного исследования. Существующие немногочисленные источники по упомянутому проблемному полю фрагментарны, носят большей частью публицистический или научно-популярный характер, а содержащиеся в них сведения зачастую противоречивы и не подкреплены проверенной фактологией. Более того, само имя Эрденко за пределами его родного Белгородско-Курского региона сегодня известно лишь крайне узкому кругу специалистов.

Данная ситуация определяет **актуальность** нашего **исследования** обозначенной проблематики. Его **цель** - проследить процесс кристаллизации исполнительских и педагогических принципов и взглядов Михаила Эрденко; основные **методы** - источниковедческий и сравнительный анализ. **Задачами** определены следующие:

- выявление и фактологическая проверка деталей биографии, определивших особенности творческой индивидуальности музыканта и повлиявших на формирование его исполнительских и педагогических принципов и взглядов;

- характеристика данных особенностей и принципов, определение роли М. Эрденко в истории развития русской дореволюционной, а затем советской скрипичной педагогической и исполнительской школы.

Настоящая статья концентрирует внимание на аспектах исследования, которые стали продолжением и углублением изучения биографической информации о М. Эрденко, начатого одним из авторов статьи при создании научно-популярного очерка о его жизни и деятельности [1].

Как нередко случается в отношении выдающихся людей, вышедших из социальных низов, сведения о детстве и раннем периоде жизни Михаила Эрденко полны неточностей и противоречивых данных. Уже само написание его фамилии пестрит вариациями: Ерденко(в), Ярденко(в), Эрденко(в). В некоторых источниках, даже столь фундаментальных, как «Большая советская энциклопедия», год его рождения обозначен как 1886. Тот же год высечен и на граните семейного надгробия. Однако в государственном архиве Белгородской области удалось обнаружить запись о рождении Михаила, его родителей и восприемника, сделанную 22 ноября 1885 (!) года в метрической книге Старо-Оскольской Успенской церкви

[1, с. 8]. Позже именно дата, совпадающая с указанной выше, будет значиться и в дипломе об окончании М. Эрденко Московской консерватории - что также подтверждает её истинность.

Михаил происходил из цыганской семьи. Отец его был скрипкарь-лэутар в третьем поколении, лидер тарафа - небольшого цыганского оркестра, зарабатывавшего увеселением гостей на свадьбах и праздниках в Старом Осколе и селениях уезда. Данные о месте рождения Михаила столь же противоречивы: в этом качестве фигурируют как город Старый Оскол, так и село Бараново Старо-Оскольского уезда Курской губернии. Если исходить из указанного в церковной метрике сословного статуса отца Михаила «крестьянин», видится логичным предположение о правильности второго варианта. Но исторические факты свидетельствуют, что Указом Екатерины II от 21.12.1783 года все цыгане в России были причислены к крестьянскому сословию. Таким образом, «крестьянин» оказывается здесь констатацией не рода занятий, но принадлежности к цыганскому этносу - а если учесть, что крестили младенца в Старо-Оскольской церкви (при том, что в с. Бараново в то время был свой действующий храм) и что вряд ли цыганский тараф мог прокормить его музыкантов в маленьком селе, становится убедительной истинность первой версии.

У цыган было издавна принято выбирать профессию из традиционных занятий семьи. И то, что Миша продолжит музыкальную династию своего рода, было вне сомнений. Как только мальчик трёх с небольшим лет от роду потянулся к инструменту и отцу удалось раздобыть для него соответствующую росту миниатюрную скрипку, начались первые отцовские уроки. По воспоминаниям членов семьи Эрденко, влечение к музыке пробудилось в малыше даже без видимых усилий со стороны отца. За пару лет он оказался способен выучить по слуху, держать в памяти и «в пальцах» репертуар из сорока с лишним народных и популярных мелодий. *То, что знакомство с музыкой началось у Эрденко именно с данного репертуарного пласта, во многом определило в дальнейшем его исполнительские принципы по отношению и к академическому искусству.*

Уже с четырёх лет Миша стал играть с отцом на свадьбах, успехи мальчика в овладении скрипкой поражали всех, кто его слышал, вызывали восторг и удивление. Но Старый Оскол в конце XIX века был типично захолустной российской «глубинкой» с населением в семнадцать тысяч жителей. Осознавая безусловную одарённость ребенка, отец решает осенью 1891 года взять его в губернский Курск, определить пути дальнейшего образования. В Курске юным скрипачом заинтересовались преподаватели музыкальных классов во главе с их директором Аркадием Абаза - известным музыкальным деятелем, зачинателем систематического музыкального образования в Курской губернии. После прослушивания мальчика А. Абаза написал рекомендательное письмо директору Московской консерватории В.И. Сафонову с просьбой о назначении ему стипендии и

посоветовал отцу собирать средства на поездку в Москву организацией концертов Миши в крупных городах: Ростове-на-Дону, Харькове, Екатеринославе, Полтаве.

Выступления шестилетнего вундеркинда повсюду шли с огромным успехом. О чуде-ребенке писали газеты. После первого публичного концерта в Харькове юному музыканту преподнесли маленькую итальянскую скрипку, с которой он впоследствии совершал свои детские концертные выступления. В начале 1892 года Миша с отцом оказались в Москве. В консерватории организовали специальное прослушивание профессорами с участием её директора В.И. Сафонова. Миша поразил всех абсолютным слухом, феноменальной памятью и техническими способностями. Безусловно, шестилетний скрипач был ещё слишком мал для учебы в консерватории (куда по правилам принимали минимум с 14 лет), да и в целом для жизни без семьи в Москве. Но по предложению Сафонова мальчика приняли в семью Анны Францевны Лауб, вдовы известного музыканта Фердинанда Лауба, где он воспитывался в течение пяти лет, обучаясь скрипке под руководством И.В. Рывкинда и Н.Н. Соколовского - учеников профессора И.В. Гржимали, а в Московской консерватории на имя Михаила была выделена специальная стипендия.

В январе 1897 года 11-летний Михаил становится уже студентом консерватории, а его руководителем является теперь сам профессор Ян (Иван Войцехович) Гржимали - ведущий наставник скрипичного класса, талантливый чешский музыкант (выпускник Пражской консерватории по классу выдающегося педагога, профессора М. Мильднера), более сорока пяти лет проживший в России и прошедший путь до звания заслуженного профессора, которого он был удостоен в 1910 году первым из всех профессоров Московской консерватории. Именно Ян Гржимали и Фердинанд Лауб, два чеха, внесших большой вклад в развитие русской культуры, стали основателями **московской скрипичной школы**. «Особенностями школы Гржимали являлись *свободный, исключительно широкий штрих смычка, глубокий, мощный тон и ясная фразировка*» [2, с. 218]. В эпоху почти всеобщей увлеченности музыкантов и публики поверхностно-блестящим салонным виртуозничаньем в игре «Гржимали прививал своим ученикам *серьезное, вдумчивое отношение к исполняемым сочинениям, ... главной его заботой было воспитание в ученике музыканта–артиста, стремящегося к раскрытию художественного содержания музыки*» [3]. Имена двенадцати из почти ста выпускников класса Гржимали высечены на мраморных досках почёта Московской консерватории в числе лучших её выпускников, и среди них - имя Михаила Эрденко. О своём профессоре Михаил Гаврилович всегда говорил с исключительной теплотой: «Я начал у него учиться с "азов" и у него получил золотую медаль. Он меня считал своим сыном, он не только учил меня, но и с любовью следил за моим воспитанием как скрипача и как человека» [1, с. 14]. Как свидетельствует анализ сохранившихся грамзаписей

Михаила Эрденко разных периодов, *обозначенные выше стилевые черты школы Гржимали стали определяющими и в его искусстве, способствуя дальнейшему развитию традиций московской скрипичной школы уже в XX столетии. Эти же особенности в дальнейшем легли в основу и педагогических принципов Эрденко.*

В мае 1904 года, пройдя за семь с небольшим лет девятилетний по нормам курс, Эрденко получил «Диплом Московского отделения и консерватории Императорского Русского Музыкального Общества», утверждавший его в звании свободного художника, и Малую золотую медаль «во внимание ... к особым музыкальным дарованиям и отличным успехам» [1, с. 15].

Педагогическая и концертная деятельность М. Эрденко началась в Самаре. В 1902 году там были открыты Музыкальные классы при Отделении Императорского Русского Музыкального Общества (ИРМО). Это стало большим событием в культурной жизни губернии, положило начало традициям профессионального музыкального образования. В 1904 году у истоков скрипичных традиций региона оказался юный Михаил Эрденко, однако - оказался ненадолго. Молодого артиста захватывают революционные события 1905 года: пылкий юноша возвращается в Москву, принимает участие в демонстрациях, работает на строительстве баррикад. 18 октября 1905 года был убит Н. Бауман, лидер Московской организации большевиков. Его похороны превратились в грандиозную демонстрацию. Эрденко и тут оказался в центре событий - продирижировал на похоронах консерваторским студенческим оркестром и хором. В разгар революции 1905 года Михаил начертал: «Тебе, великий русский народ, я отдаю свою душу и звуками скрипки призываю к борьбе за свободу!» [4]. Оказавшийся сосланным за участие в восстании в Вологодскую, позже в Архангельскую губернии, Эрденко «часто выступал перед политическими ссыльными и пришел к выводу, что **должен отдать своё дарование и мастерство народу**» [там же].

Вернувшись из ссылки, Михаил возвращается к активной гастрольной деятельности, выступает не только как солист-скрипач, но и берёт в руки всё чаще дирижерскую палочку. Многочисленные отзывы прессы первых межреволюционных лет свидетельствуют о высоких художественных и технических качествах игры М. Эрденко, об исключительном успехе у широкой публики. Однако его *неординарная исполнительская манера - унаследованный от семейно-цыганской традиции повышенный эмоциональный градус игры, просветительская направленность интерпретации и привнесение большой доли личного отношения в исполняемые произведения* - часто не встречали поддержки в официальных музыкальных кругах, стоявших на «академических» позициях.

Искания и сомнения в верности избранного им творческого пути, рождавшиеся в душе артиста, привели Эрденко к Л.Н. Толстому. 24.09.1909 г. Эрденко писал Толстому из

Ялты: «Они признают во мне только талант. Для них высшая награда - похвала десяти теоретиков-музыкантов, для меня - тысячи профанов, ибо чем больше меня понимают, тем очевиднее необходимость того "понятого" исполнения, к которому я иду» [1, с. 22].

Путь М. Эрденко к Толстому в какой-то степени предопределил и его наставник профессор Гржимали, на протяжении двадцати лет неоднократно музицировавший совместно с С.И. Танеевым и другими коллегами в доме великого писателя, известного своим увлеченным отношением к искусству звуков.

Два дня в своей жизни Михаил Гаврилович и его жена и концертмейстер Евгения Иосифовна видели Толстого, играли ему, беседовали с ним о ключевых смыслах, эстетических и этических задачах искусства, о путях распространения его классических образцов в широких народных массах. Первый раз - 22.10.1909 г. в Ясной Поляне, второй - 23.06.1910 в Мещерском у В.Г. Черткова, друга и издателя писателя. Дни эти оба считали важнейшими в своей жизни. Лев Николаевич в свою очередь очень тепло отзывался об игре скрипача: «Какая нежность, грация, чувство меры. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так играл» [5]; в своём дневнике в день их встречи он записал: «...стали играть. Превосходно. Он цыганской породы. Я особенно был тронут Nocturne'ом Шопена. И оказались очень милые люди» [1, с. 25]. ***Встречи с Л.Н. Толстым, творческое общение с великим писателем и его поддержка укрепили веру Михаила Гавриловича в правильности выбранного пути.***

1910 год был ознаменован для М. Эрденко ещё тремя важными вехами: знакомство со знаменитым бельгийским скрипачом Эженом Изаи, победа (2-я премия) в Московском конкурсе скрипачей и приглашение стать старшим ординарным преподавателем в музыкальном училище Киевского отделения ИРМО.

Э. Изаи (1858-1931) - последний представитель большого романтического скрипичного искусства конца XIX века, обладавший даром увлекать слушателей яркостью создаваемых им музыкальных образов. Глубокая экспрессия, высокий дар музыкальной речи, воодушевлявший аудиторию, а главное, гений интерпретации, являлись для слушателей источником глубочайшего эстетического наслаждения. Эрденко совершенствовал свое мастерство у Изаи, по разным источникам, в 1910 или 1911 году. По воспоминаниям Е.И. Эрденко, занятия их превращались во вдохновенные совместные концерты. Ибо шли оба скрипача к одной цели: ***экспрессивной выразительностью стремились раскрыть новые, рождённые временем возможности скрипичного исполнительства.***

М.Г. Эрденко совместно с профессорами Р.М. Глиэром и К.Н. Михайловым много сил приложил к реформированию Киевского музыкального училища, реорганизованного в 1913

году в консерваторию - где он активно способствовал становлению нового учебного заведения, стал *первым профессором скрипичного класса, заложив, таким образом, фундамент для формирования киевской скрипичной школы*. В 1915 году в связи с временной эвакуацией Киевской консерватории Эрденко выехал в Ростов-на-Дону, продолжая преподавать и выступать с концертами.

Артист восторженно встретил свержение царизма. Сбылись его юношеские мечты. «Отец стал одним из инициаторов немедленного расширения музыкального образования для одарённых детей из народа. Он поехал по городам Украины, ещё бушевавшей гражданской войной, и вез их в Киевскую консерваторию, давал концерты в пользу взносов на содержание их и возможность жизни и учебы», - вспоминала дочь Михаила Гавриловича [6].

После ряда совместных выступлений в Харькове и Ростове с Л. Собиновым, в 1920 году Эрденко переезжает в Краснодар, получив от Наркомпроса назначение председателем Музыкально-театрального комитета Кубани и Черноморья. Здесь он способствует организации народного симфонического оркестра, хоров, активизации деятельности театров, становлению открытой в январе 1919 г. Кубанской консерватории.

В 1922 году М. Эрденко возвращается в Москву. Его кипучая творческая деятельность приобретает всё больший размах. Он становится одним из первых советских скрипачей, гастролировавших за рубежом, совершает в 1922-1932 гг. ряд концертных турне в Германии, Китае, Корее, Латвии, Литве, Польше, Эстонии, Японии. Наряду с зарубежьем - интенсивные гастролы по городам и весям своей необъятной родины. В годы первых пятилеток он ездит по новостройкам, выступает на шахтах, заводах, приветствуя перед концертами передовиков и новаторов труда. Когда А. Стаханов совершил свой рекорд, Эрденко собирает в Москве «Звёздный поезд мастеров искусств», и во главе с ним артисты отправляются в Донбасс.

В 1935 г. Михаил Гаврилович с огромным энтузиазмом возвращается к педагогической деятельности, становится профессором своей альма-матер - Московской консерватории. В 1936 он получил предложение дать концерты в нескольких европейских столицах, однако этим гастролям не суждено было состояться: судя по свидетельствам современников, Эрденко в тот момент был слишком увлечён преподаванием.

В свою педагогическую деятельность профессор Эрденко вносил страстность и увлечение, находил радость в воспитании молодых музыкантов, которые смогут развивать *его собственные творческо-педагогические принципы, уже откристаллизовавшиеся к тому времени: главенство художественного содержания, экспрессивная выразительность и декларативная, «понятная» яркость его подачи, просветительская направленность творчества*.

Он оставил методические записи, свидетельствующие о глубоком понимании необходимости реорганизации музыкального образования, подготовки студента к самостоятельной профессиональной деятельности. В них Эрденко придаёт особое значение *таким формам обучения, как занятия в камерном и оркестровом классах, самостоятельная работа над произведением*, критикует систему «формального натаскивания» и «положение, при котором каждый студент до конца своего обучения ориентируется лишь на будущую сольно-концертную деятельность, но при этом не учитываются ни потребности страны в квалифицированных оркестрантах, камерных музыкантах и педагогах, ни склонность, дарование и способности самого студента» [1, с. 42]. Михаил Гаврилович считал, что *способности студента-скрипача выявляются на первых трёх курсах консерватории. После чего он должен начать специализироваться по одному ведущему профилю: виртуозно-концертному, камерному, оркестровому либо педагогическому. Соответственно должна уточняться и приоритетность изучаемых в конкретном профиле дисциплин*. В контексте нашего исследования важно отметить, что именно указанный Эрденко перечень квалификаций стал позже появляться в дипломах выпускников советских консерваторий - но полное официальное утверждение его произошло лишь в последней трети XX века.

Почти до конца жизни не прекращалась и концертная деятельность М.Г. Эрденко (по подсчетам самого музыканта, он дал свыше шести тысяч концертов!). Однако каждое выступление «сжигало» его и без того большое сердце. 21 января 1940 года, в полном расцвете творческих сил, жизнь выдающегося скрипача и педагога оборвалась.

Определяя значение творчества Эрденко, исследователь истории скрипичного искусства И. Ямпольский отмечал: «Кто не бывал на периферии, не имеет подлинного представления о том, какой огромной популярностью пользовалось искусство Эрденко, какое влияние оно оказало на распространение музыки и игры на скрипке в самых широких кругах народа... В его интерпретации, всегда оригинальной и самобытной, самые сложные музыкальные произведения становились близкими и понятными широким массам, и это создавало ему очень широкую популярность. Обладая талантом передавать музыку в ярких, увлекательных образах, с огнём, воодушевлением, захватывавшими воображение слушателей, Эрденко глубоко постиг эмоционально-выразительную сущность скрипичного искусства. Певучесть неповторимого по теплоте и задушевности звука составляла одну из главных черт его игры. В этом отношении он был ярким представителем русской скрипичной школы» [7, с. 74].

Заключение. Восприняв в детстве приёмы игры талантливых безвестных *цыганских* самородков с характерным сочным буйством красок, контрастами чувств и настроений,

Эрденко в своей манере игры в значительной степени сохранил эти стихийные черты. Его исполнительский дар был блестяще отшлифован в Московской консерватории, но творческая природа *музыканта из народа* порой щедро «выплескивалась» за рамки академизма, определяя **ключевые особенности его артистической и педагогической индивидуальности**. Поиски средств отражения «музыкальной правды» в творческой манере Эрденко формировались также под влиянием *школы Я. Гржимали, идей Л.Н. Толстого и в творческом общении с Э. Изаи*.

Его исполнительские и педагогические принципы явились, с одной стороны, не только продолжением и развитием традиций дореволюционной московской школы, но и отражением особых личных музыкально-эстетических взглядов артиста. С другой стороны, в ряде ключевых положений эти принципы оказались выходящим за рамки общепринятых в то время подходов коллег Эрденко провидческим решением новых актуальных задач профессиональной музыкальной педагогики, утвердившимся в советской системе высшего образования лишь в последней трети XX века.

Михаил Эрденко стал одним из самобытнейших скрипачей и скрипичных педагогов первой половины XX века, потомком тех виртуозов-просветителей, которые видели высшую цель искусства в неустанном служении всей силой своего таланта широкой аудитории. Его педагогическая деятельность в Самаре, Киеве и Краснодаре имела, несмотря на ее непродолжительность, фундаментальное значение для формирования скрипичных школ в названных городах и распространения в них традиций московской скрипичной школы. Педагогическое и исполнительское творчество М. Эрденко вошло не только в золотой фонд истории его родного Белогорья, всей России и позже Советского Союза, но и в сокровищницу мирового искусства.

Список литературы

1. Ларчиков В.В. Знаменитые земляки. Эрденко. Рыбинск: Медиарост, 2018. 48 с.
2. Руденко В.И. Избранные статьи. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 656 с.
3. Московская консерватория 1866-1966. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mosconsv.ru/ru/book.aspx?id=131310&page=131312> (дата обращения: 30.05.2022).
4. Бессонова А. Тебе отдаю свою душу... // Белгородская правда. 2017. № 24 (23072). С. 30.

5. Михаил Эрденко: из «чудо-ребенка» в скрипача-виртуоза // Культурный регион [Электронный ресурс]. URL: <https://bel.cultreg.ru/articles/527/mikhail-erdenko-iz-chudo-rebenka-v-skripacha-virtuoz> (дата обращения: 30.05.2022).
6. Эрденко И. Мой отец - Михаил Эрденко // Путь Октября. 1986. № 151 (18 декабря). С. 4.
7. Ямпольский И. Скрипач М. Г. Эрденко // Советская музыка. 1950. № 2. С. 74-75.